

Александр ОКСМАН (Ростов-на-Дону) ПОЧТАЛЬОН

С Фёдором Петровичем Поляниным я познакомился два года назад – на следующий день после того, как переехал в новую квартиру. Вернее, квартира-то была совсем не новая, поскольку располагалась в пятиэтажном доме пятьдесят какого-то года постройки. Но, раз уж я раньше никогда в ней не бывал, стало быть, для меня она являлась новой.

Как я вскоре узнал, здесь жили почти одни старики – те самые люди, которые стали первыми владельцами этих квартир полвека назад. Все друг друга знали. «Чужаки» появлялась только в тех случаях, когда кто-то из старых жильцов умирал, и квартира выставлялась на продажу.

Точно так же произошло и со мной. Я как раз искал жильё и увидел в газете объявление о продаже двухкомнатной квартиры. Быстро позвонил по указанному телефону, и в два дня сделка была заключена. Владелец квартиры оказался солидный человек лет пятидесяти – сын умершего жильца. По прошествии полугода со дня смерти отца он вступил в права наследства и теперь хотел продать квартиру.

Её покупателем стал я.

Квартира, находившаяся на четвёртом этаже, пребывала в довольно запущенном состоянии. Барханы пыли, разбросанные где попало вещи, гирлянды паутины – всё здесь свидетельствовало об отсутствии жизни. Весь первый день после переезда я занимался уборкой, но, когда за окнами стемнело, едва ли успел сделать и половину необходимых дел.

На следующее утро в воскресенье я проснулся рано, наскоро позавтракал и вновь принялся за работу. Спустившись вниз на улицу, чтобы выбросить большой пакет с мусором, я увидел на лавочке около подъезда старичка. Он сидел сгорбившись, оперев ладони в колени, и внимательно смотрел на меня.

— Доброе утро, — бодрым голосом произнёс он.

Я поздоровался в ответ.

Он поднялся с лавочки и подошёл ко мне.

— Фёдор Петрович Полянин, — представился он и протянул руку.

— Михаил, — сказал я и пожал его руку; она была твёрдая и сухая.

— Рад познакомиться, — промолвил Фёдор Петрович и слегка улыбнулся. — Вы недавно переехали?

— Да, вчера. В шестнадцатую квартиру.

— А-а, — протянул он. — К Макарычу. Понятно. Хороший, скажу я вам, был человек... А знаете что, Миша, заходите-ка ко мне вечером на чай. Я живу на втором этаже, в седьмой квартире.

Я согласился. Фёдор Петрович удовлетворённо кивнул и вновь сел на лавочку, а я отправился к мусорному ящику выбросить пакет.

К вечеру я закончил уборку, и в восемь часов позвонил в дверь седьмой квартиры. Вскоре на пороге показался Фёдор Петрович. Он был в тёмно-синем трико и светлой шведке навыпуск.

— Здравствуйте, Миша, — улыбнулся он. — Проходите.

Когда я вошёл в квартиру, он затворил дверь и поставил передо мной тапки. Заметив в моих руках кулёк с печеньем, Фёдор Петрович укоризненно покачал головой.

— А вот это было необязательно. Не стоило беспокоиться на этот счёт. А впрочем... — он добродушно махнул рукой. — Коль уж повелось, что в гости надо идти с чем-то своим, что уж поделаешь...

Он взял из моих рук кулёк и понёс его на кухню. А я, стоя в прихожей, получил возможность осмотреться. Всё вокруг выглядело аккуратно и опрятно. Если Фёдор Петрович жил один (тогда я ещё не знал, так ли это), то он был, без сомнения, хорошим хозяином. Полы были чистыми, все вещи лежали и висели на своём месте.

— Проходите в комнату, Мишенька, не стесняйтесь, — раздался с кухни голос хозяина, — я сейчас поставлю на огонь чайник и приду к вам.

Я переступил порог комнаты и вновь был приятно удивлён окружившей меня чистотой. Разноцветный ковёр на стене выглядел несколько старомодно, зато добавлял домашней обстановке больше уюта.

Тут в комнату вошёл Федор Петрович и предложил мне сесть. Я сел на диван, а он расположился в кресле.

— Ну, и как вы устроились у Макарыча? — поинтересовался Фёдор Петрович; он говорил так, как будто бы прежний владелец моей квартиры до сих пор здоровствует, и я приехал к нему в гости.

— Нормально. Правда, в квартире был сильный беспорядок...

— Да, — перебил меня Фёдор Петрович. — С тех пор, как старика не стало, его жильём никто не занимался. Забрали родственники все ценные вещи, а на остальное махнули рукой.

Он постучал пальцами по подлокотнику кресла и продолжил:

— Сын Макарыча не поддерживал с отцом связи. Они не ссорились — нет, ничего такого не было. Просто он не приезжал к отцу, а так, звонил изредка. Вот Макарыч и жил один. Жена-то его умерла семь лет назад, а больше у него никого и не было... Сын его — крупный бизнесмен, у него семья, дети. Но если сын к отцу не ездит, то внуки и подавно.

Фёдор Петрович задумался. Мне хотелось задать ему один вопрос, но я боялся задеть его за живое. И всё-таки спросил:

— А вы тоже один?

Он посмотрел куда-то в сторону, а потом повернулся и бросил на меня зоркий взгляд.

— Да, один. Моя бабушка ушла три года назад. Хотя, виноват, — какая же она бабушка, если у нас не было внуков?

Он посмотрел на кисть правой руки, на безымянном пальце которой по-прежнему сияло обручальное кольцо.

— Да... Её не стало три года назад — сердце остановилось. Мы с ней были ровесниками — оба родились в двадцать шестом. Познакомились в пятьдесят первом, а через год поженились... Жаловаться мне не на что — жили счастливо, перешли рубеж тысячелетий, справили золотую свадьбу. Господь Бог всегда был с нами.

Он не упомянул о том, были ли у них дети, и потому я спросил об этом сам.

— Да, у нас была дочка. Вернее, она и сейчас есть, только очень далеко — то ли в Америке, то ли в Канаде. Не знаю точно. Да это и не важно. Последний раз мы виделись с Ларисой лет десять назад. Она даже на похороны матери не прилетела....

Он помолчал.

— Я считаю, что жизнь у неё не сложилась. Я говорю так не потому, что она к нам не приезжает — за это я не сержусь. Просто мне кажется, что для каждой женщины главное — семейное счастье. А она его не обрела — ни мужа, ни детей. Всю жизнь пыталась сделать карьеру — сначала певицы, потом актрисы, режиссёра... Гналась — да и сейчас гонится — за какими-то призраками. А, — он махнул рукой, — пусть живёт, как сама считает нужным. Сколько раз мы с ней спорили на эту тему, да всё без толку.

На кухне засвистел чайник, и Фёдор Петрович пошёл его выключать.

К кульку печенья, который я принёс с собой, Фёдор Петрович добавил нарезанный рулет с повидлом и всё это выложил на тарелки. Неспешно помешивая горячий чай, я украдкой следил за моим новым знакомым.

Фёдор Петрович тоже размешивал сахар и неотрывно глядел в свою чашку. Его лицо выражало спокойствие и безмятежность. Такой, наверное, и должна быть старость, подумалось мне. Спокойной и безмятежной. За свою жизнь человек тратит столько нервов, что хотя бы в старости заслуживает право на покой.

После чая мы проговорили почти два часа. Фёдор Петрович оказался прекрасным собеседником, и поведал мне немало интересных историй из своей жизни.

На следующий день перед уходом на работу я столкнулся на лестничной клетке со старушкой из четырнадцатой квартиры. Мы познакомились (её звали Марфа Алексеевна Сичкина), и она спросила меня, кого из соседей я уже знаю. Услышав о моей встрече с Фёдором Петровичем, она благодушно кивнула.

— Федя — удивительный человек, — сказала она. — Знаешь, сынок, у нас в доме живёт много хороших людей, но, по-моему, никого не любят так, как его. Ему столько довелось испытать в жизни: ранняя потеря родителей, война...

— Фёдор Петрович воевал? — перебил её я.

Марфа Алексеевна всплеснула руками.

— Помилуй, Господи! Конечно, воевал! Всю войну прошёл. Командовал полком, был ранен, побывал в плену... Да у него весь пиджак орденами с медалями увешан, и то не все помещаются!

Я задумался.

— И, несмотря на всё это, он по-прежнему бодр и полон оптимизма, — продолжала Марфа Алексеевна. — А это, сынок, дорогого стоит. Война много судеб ломает. Она не только наших близких на тот свет забирает, но и тем, кто остался здесь, души калечит. Мой батюшка вот так и не оправился после войны. Тронулся напрочь. Что рядом был, что его не было...

Она смахнула слезу.

— А Федька не такой. Он вон даже после смерти Кати, жены своей, не сломался. Хотя первое время горевал жутко. «Не нужна мне, — говорит, — жизнь без неё. Пойду на кладбище и лягу с ней рядом». Но потом вроде немного успокоился. Он молодец. Весь сгорбился под тяжестью свалившихся на него испытаний, но палку упорно не берёт — сам ходит. Ты знаешь, Миша, мне кажется, все мы здесь за ним тянемся. Если бы не он, не знаю, как бы мы жили...

В тот же вечер после работы я, уже без приглашения, вновь наведалься к Фёдору Петровичу. Когда я вошёл, в зале работал телевизор, и по нему шла передача о животных.

Я тут же заинтересовался, почему во время нашего вчерашнего разговора он не рассказал о своём военном прошлом. В ответ Фёдор Петрович усмехнулся.

— Я не люблю вспоминать о войне, — сказал он. — Это горькие и тягостные страницы моей жизни. Столько людей — хороших, добрых, ни в чём не виноватых — сгинули в

один миг. И ради чего, почему? Страшно всё это, Миша... В то же время нужно гордиться тем, что мы смогли защитить свою Родину, свою землю от такого бесчеловечного явления, как фашизм. И я горжусь подвигом своего народа. Но боль утрат и ужас произошедшего всё же подавляют во мне гордость. Поэтому я редко достаю из шкафа свои боевые награды и ещё реже хожу на встречи ветеранов.

С того дня я стал частенько заходить к Фёдору Петровичу. Иногда по приглашению, а порой и без него. Полагаю, могу сказать, что мы подружились с этим обаятельным старичком из седьмой квартиры. Он был в два раза старше меня, но это не мешало нам находить общие темы для разговоров и хорошо проводить время.

Чаще всего Фёдор Петрович говорил об одиночестве, которое постигает людей в старости.

— У всех жильцов нашего дома есть дети, — говорил он, — но они к нам не ходят.

— А почему же вы сами к ним не пойдёте, если скучаете по ним? — спросил я.

Фёдор Петрович покачал головой.

— Ежели молодые хотят видеть своих стариков, то сами к ним ходят. А коли старик едет к своим детям, он навязывает себя им и в итоге становится для них обузой. Помнишь, как говорил Михал Михалыч в «Место встречи изменить нельзя»? «Старикам нужно держаться молодых». Полностью согласен с данным утверждением. Но это возможно лишь тогда, когда молодые сами хотят, чтобы старики их держались.

Он обхватил пальцами левой руки палец с обручальным кольцом и покрутил его.

— Я не виню среднее поколение — наших детей. У них постоянно дела — семья, работа, развлечения. Это естественно. Это — их жизнь, и они сами решают, как ей распоряжаться... Но при этом плохо то, что нас совершенно не знают наши внуки — младшее поколение. Вот будь, например, у моей Ларисы ребёнок, мы с Катей наверняка никогда бы его не увидели. И он бы не знал, что у него есть бабушка и дедушка, которые хотят его увидеть, обнять, поцеловать...

Фёдор Петрович глубоко вздохнул.

— Дело здесь не в расстояниях, не в том, что Лариса за океаном. Вот взять, к примеру, Макарыча, в квартире которого ты сейчас живёшь. У его сына трое детей — две дочери и сын. Так вот, я не уверен, что Макарыч хоть раз в жизни их видел. Да-да, не удивляйся! А ведь им уже по двадцать-тридцать лет. Но раз их отец не ездил к своим родителям, не показывал им примера, они и подавно не станут этого делать. Они просто не приучены любить своих предков. И вот это по-настоящему ужасно.

Он грустными глазами посмотрел на меня.

— В конце концов, они поступят со своими родителями точно так же, как те сейчас поступают с нами — забросят их на старости лет, и всё. И этот круговорот будет повторяться вновь и вновь. Интересно, он хоть когда-нибудь остановится?

— А как вы относились к своим родителям? — спросил я.

Фёдор Петрович пожал плечами.

— Со стороны, наверное, виднее. Но я своих родителей любил, уважал и... скучал по ним, когда их не стало. И очень жалел, что они так рано ушли...

Фёдор Петрович говорил, что ни в чём не винит среднее поколение, но мне казалось, что это не так. Думаю, обида всё-таки присутствовала в его сердце — обида за их равнодушие к родителям и за то, что они губят молодёжь, не прививают им важнейшие человеческие ценности. И молодые люди не получают в фундамент своей личности те основополагающие камни, которые в дальнейшем помогают возводить прочное и надёжное здание.

Но, помимо обиды, Фёдор Петрович совершенно искренне испытывал к детям своего поколения жалость — ведь через несколько десятков лет они сами окажутся на его месте. Это сейчас их дети привязаны к ним и помогают им. Это сейчас они звонят им и приезжают похвастаться своими успехами. А также просят помочь, и, разумеется, всегда эту помощь получают. Но когда им самим, уже старикам, понадобится помощь, их дражайшие чада, скорее всего, повернутся к ним спиной и станут старательно выполнять свои многочисленные неотложные дела...

После бесед с Фёдором Петровичем и размышлений о них в моём сознании само собой возникла такая формула: о порядочности человека можно судить по тому, как он относится к родителям своих родителей.

И всё же, несмотря на такое грустное положение дел, я видел, что Фёдор Петрович смирился с ним и принял его. Да и что, собственно, ему оставалось делать, раз уж всё так, а не иначе? Теперь он жил спокойной, уединённой жизнью и был вполне доволен тем, что имеет.

Так мне казалось...

Однажды после работы я, как это нередко бывало, зашёл к Фёдору Петровичу в гости. Он всегда был рад меня видеть, но сейчас встретил с каким-то особенным воодушевлением. Я спросил его, как его дела, и он радостным голосом поведал мне такую историю:

— Помнишь, Мишенька, я рассказывал тебе об одном товарище, который живёт в Воронеже? Мы с ним вместе воевали и долго дружили до тех пор, пока он не уехал в другой город. С тех пор не общались. А тут на днях он прислал мне телеграмму и предложил по возможности вести переписку. Представляешь?

Я сказал, что рад за Фёдора Петровича, однако он лишь нетерпеливо махнул рукой. Я растерялся: неужели не по этой причине у него такое хорошее настроение?

— Я написал ответ и позвонил на почту с просьбой прислать почтальона. И через несколько часов ко мне пришёл молодой парень — обаятельный такой, бойкий. Я отдал ему письмо, деньги за пересылку, и мы с ним побеседовали. Такой приятный молодой человек!

Он говорил очень оживлённо и постоянно жестикулировал, взмахивал руками во все стороны. Его глаза горели огнём, а голос звенел как праздничная песня. Таким Фёдора Петровича Полянина мне видеть ещё не доводилось. И мне стало не по себе. Слишком уж разительным выглядел контраст между тихим, умиротворённым ветераном войны и этим эмоциональным, сияющим от счастья старичком.

Уходя от Фёдора Петровича тем вечером, я неожиданно понял, что его спокойствие и удовлетворённость жизнью были не более чем иллюзией, которую я сам себе придумал.

С тех пор жизнь Фёдора Петровича изменилась. Саша (так звали этого молодого почтальона) ходил к нему через день-два, и он всякий раз ждал его визита с большим нетерпением. А потом взахлёб рассказывал мне, как они вместе с Сашей пили чай и беседовали.

— Он трудится здесь недавно — всего пару месяцев, — повествовал Фёдор Петрович.
— Работа ему нравится. Говорит, что так он имеет возможность познакомиться с новыми людьми, набраться жизненного опыта. Замечательно, правда? Что может быть

лучше порядочного молодого человека, у которого в душе чистые помыслы?

Однажды мне довелось увидеть Сашу лично. Это было в субботу. Я спускался по лестнице, чтобы сходить в магазин, и заметил у дверей седьмой квартиры молодого человека с чёрными растрёпанными волосами и небольшой сумкой на плече. Он нажимал на кнопку звонка и осторожно поглядывал по сторонам.

Уже спустившись на первый этаж, я услышал, как дверь наверху распахнулась, и с порога зазвенел весёлый голос Фёдора Петровича: «Доброе утро, милый! Заходи скорее!» Юноша что-то тихо сказал в ответ, и дверь затворилась.

Очень скоро Фёдор Петрович уже души не чаял в этом мальчике. И мне казалось, что Саша приходит к нему не только по делу, но и так просто — по приглашению доброго хозяина.

— Он стал для меня как сын. Или внук, — признался мне однажды Фёдор Петрович. — Когда я просто смотрю на него, у меня сердце радуется. Чувствую тогда, что есть светлое будущее у нашего отечества, есть!

Слушая такие речи Фёдора Петровича, я поначалу не испытывал какого-либо воодушевления. Сам не знаю почему. Не потому, что Саша в какой-то степени занял моё место — упаси меня Бог так думать! Ведь мы с Фёдором Петровичем по-прежнему виделись регулярно. И к тому же я целыми днями работал и в любом случае не имел столько времени для визитов, как Саша...

Но однажды я увидел, как они вместе прохаживались по двору. Саша рассказывал Фёдору Петровичу какую-то историю, а старичок довольно кивал и улыбался широчайшей улыбкой.

И в тот миг я подумал: а может быть и правда хорошо, что хоть на старости лет рядом с ним появился молодой человек, который оказывает ему внимание? Я от души радовался, когда сейчас видел яркие искорки в добрых глазах Фёдора Петровича. В том, что он

заслуживает право на родительское счастье, я не сомневался ни секунды...

Всё произошло неожиданно, в один миг. Это случилось в середине мая. Я возвращался с работы и, когда пересекал двор, меня кто-то окликнул. Это был Аркадий Викторович Мирченко – сосед с верхнего этажа. Торопливо стуча по земле палкой, он направлялся ко мне.

— Беда случилась, Миша! — выпалил он, едва приблизившись.

У меня внутри словно что-то оборвалось.

— В чём дело?

— Федя слёг. Этот малец, что почту ему доставлял, проходимцем оказался. Обокрал он его...

Я тут же бросился к Фёдору Петровичу.

Быстро взбежав на второй этаж, я позвонил в дверь. И тут же сообразил: если Фёдор Петрович лежит, мне никто не сможет открыть. Однако за дверью слышались шаги. Замок осторожно открылся, и я увидел Марфу Алексеевну. Она приложила палец к губам.

— Тихо, — прошептала она. — Спит он. Так что не шуми.

Я аккуратно прошёл в квартиру и разулся. Хотел пройти в спальню, но Марфа Алексеевна, закрыв входную дверь, сделала мне знак, чтобы я следовал за ней.

— Врач уже приезжал, — сообщила она, когда мы оказались на кухне. — Лёгкий сердечный приступ, вызванный нервным потрясением. Он прописал таблетки и сказал, что в этот раз всё обойдётся.

Слова «в этот раз» недвусмысленно намекнули на то, что одним разом дело может не ограничиться.

— Можно к нему? — спросил я.

— Лучше подожди немного. Пусть поспит. А я пока сделаю тебе чай.

Она вскипятила чайник и разлила его по чашкам. Странно было всё это: впервые я пил чай на кухне Фёдора Петровича без самого Фёдора Петровича.

Вскоре из спальни раздались какие-то звуки, и мы поспешили туда. Хозяин квартиры проснулся и, посмотрев на меня, улыбнулся.

— Здравствуй, Мишенька, — слабым голосом произнёс он. — Марфуша, вот и смена тебе пришла. Ступай домой, отдохни, а то ведь весь день около меня хлопчешь. Спасибо тебе, голубушка.

Марфа Алексеевна кивнула и, пожелав больному выздоровления, направилась к выходу. Перед тем, как уйти, она подробно рассказала мне, какие таблетки и когда ему следует принимать.

Когда я вернулся в спальню, Фёдор Петрович указал мне на стул, стоявший около постели.

— Как у тебя дела? — осведомился он, когда я сел.

— У меня-то всё нормально. А вы как себя чувствуете?

— Немного сердце покалывает, и слабость какая-то присутствует. А в остальном ничего. Доктор сказал, жить буду.

Я очень хотел расспросить его о происшедшем, но не хотел волновать. Не стоит шутить с больным сердцем.

Однако Фёдор Петрович сам заговорил на эту тему.

— Не знаю, что и думать. По всему выходит, что Саша меня обокрал. Так?

Я не знал, что ответить, поскольку вообще был не в курсе дел. И потому попросил его рассказать, как всё случилось.

— Неделю назад был День Победы. Саша пришёл ко мне в гости и, пока мы пили чай, он сказал, что слышал о моём военном прошлом. Уж не знаю, кто ему об этом поведал, но он стал восхищаться моим мужеством и моими подвигами. Я был тронут его словами, а он спросил, можно ли взглянуть на мои награды. Ты знаешь, я не люблю доставать из шкафа мой пиджак, но сейчас достал. Саша ахнул, когда увидел медали и ордена. Он сказал, что его дед тоже воевал, — он вздохнул. — А потом спросил, можно ли взять мои награды, чтобы показать их дома родителям...

— И вы согласились...

— Да... Он обещал их вернуть через день, но... прошла уже неделя. И сам он с тех пор не появлялся.

Всё было понятно.

— У вас есть какая-нибудь связь с ним? Номер телефона?

— Нет. Да и зачем он мне был нужен? Саша всегда приходил тогда, когда обещал. Ни разу не обманул.

— А на почту пробовали звонить? Может быть, там знают, где его найти?

— Звонил, Мишенька, звонил... Они сказали, что он у них больше не работает. Уволился около недели назад. У них есть его мобильный телефон, но на нём упорно твердят, что абонент недоступен. Можно было бы попробовать найти его по фамилии, но она мне неизвестна.

Он пристально посмотрел на меня.

— Мне все вокруг твердят, что он подлец и вор. И Марфа вот убеждает меня в этом. А я всё-таки не уверен. Может быть, с Сашей что-то случилось? Помнишь, как у Диккенса в «Приключениях Оливера Твиста»? Мистер Браунлоу дал Оливеру деньги, чтобы тот отнёс их торговцу книгами. Когда Оливер не вернулся, все тоже называли его вором. А оказалось, что мальчик попал в беду и его сцапали сподручные Феджина.

Мне же пришёл на ум другой пример из литературы – первые строчки стихотворения

«Реликвии страны» Эдуарда Асадова:

Скажи мне: что с тобой, моя страна?

К какой сползать нам новой преисподней,

Когда на рынках продают сегодня

Знамёна, и кресты, и ордена?

Я просидел у Фёдора Петровича до полуночи. Перед тем, как уснуть, он отдал мне ключи от квартиры и попросил завтра утром передать их Марфе Алексеевне.

Придя домой, я долго не мог заснуть. Вот оно как всё обернулось. Сейчас, даст Бог, для Фёдора Петровича всё обойдётся, но что будет дальше? Ведь он по-прежнему волнуется и, наверное, ещё сильнее, чем раньше.

И волнуется не об украденных орденах.

Подняться с постели Фёдор Петрович смог через неделю. Но он по-прежнему чувствовал слабость и передвигался немного. Чаще лежал. И совсем не выходил на улицу. Когда я спросил его, почему, он лишь махнул рукой. По-моему, и на мой вопрос, и на то, что было за окном.

В квартире, всегда приятно удивлявшей меня своей опрятностью, постепенно появлялись следы беспорядка — слои пыли, оставленные в кресле или даже на полу старые газеты, брошенное покрывало. Наверное, Фёдор Петрович совсем перестал за ней следить. Однажды в выходной я хотел сделать хотя бы небольшую уборку, но он не позволил.

Мы с ним в это время почти не говорили. Мне казалось, что он этого не хочет. Из глаз Фёдора Петровича пропал тот яркий блеск, который озарял их во время общения с Сашей. Из них вообще пропало всё — они были пусты и отражали полнейшее безразличие ко всему. Я иногда заходил к Фёдору Петровичу вечером, осведомлялся о его здоровье, получал скудные немногословные ответы и минут через десять отправлялся восвояси...

В конце июня у него вновь случился сердечный приступ. На сей раз прогноз врача был менее оптимистичен. В коридоре он шёпотом сообщил мне, что у больного сильно расшатаны нервы и ему строжайше запрещены любые волнения. Иначе может случиться самое страшное.

После ухода врача я остался сидеть у постели Фёдора Петровича. Он сильно похудел за последнее время, а в тусклом свете лампы его истощённое лицо выглядело ещё страшнее, чем было на самом деле.

— Это была повестка, Миша, — тихим голосом произнёс он. — Повестка на тот свет...

— Не говорите так! — оборвал его я, хотя и понимал, что, возможно, в его словах есть правда.

— Я-то знаю, — словно не слыша моих слов, произнёс он. — Это сама смерть прислала мне сегодня почтальона с повесткой на тот свет. «Готовься, Федя, собирайся», — вот что в ней говорится. В следующий раз смерть придёт уже сама...

И она действительно пришла довольно скоро — через две недели после нашего

разговора. Эти две недели Фёдор Петрович вообще не вставал с постели, и все соседи ухаживали за ним по очереди. Он умер в понедельник, и вечером мне рассказывали, что последними его словами были: «А всё-таки я ему благодарен...»

Когда гроб с Фёдором Петровичем привезли во двор, проститься с ним вышли все старики дома. День был погожий, и июльское солнце щедро заливало всё вокруг своим светом. Старики тихо перешёптывались, вспоминали супругу покойного, их счастливую жизнь и говорили об их грядущей встрече на небесах.

А я в это время думал не о супруге, а о дочери Фёдора Петровича, которая была сейчас где-то далеко. То ли в Америке, то ли в Канаде.

Не знаю точно.

Да это и не важно.

После смерти Фёдора Петровича я продал квартиру и уехал – просто не мог дольше оставаться в этом доме. Подыскал себе другое жильё – частный дом, и благополучно устроился там...

А недавно волею случая я оказался неподалеку от того дома, где жил Фёдор Петрович. И решил заглянуть во двор. Я зашёл в знакомый подъезд, глянул на список жильцов и... в изумлении подался назад. Там значилось всего шесть или семь фамилий, и среди них была лишь одна знакомая – Мирченко. Я поспешил на последний пятый этаж, где жил Аркадий Викторович.

Он принял меня очень радушно. Всё расспрашивал, как у меня дела, всё ли благополучно. Когда же я спросил, почему в доме осталось так мало жильцов, он лишь

вздыхнул.

— После Фединой смерти, Мишенька, как прорвало — люди умирают один за другим. Сначала Марфа, потом остальные... И вот из старых жильцов остался я один... А освободившиеся квартиры не заселяют потому, что наш дом собираются сносить. Слишком он обветшал, уж более полувека стоит. Так что доживаю я последние дни в своей доброй квартирке. А куда потом — не знаю...